

УДК 82-1/9-1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: собственное имя, интертекстуальность, эксплицитность, персонификация, лексическое значение.

В статье исследуется художественная роль ономастической лексики в поэтических текстах, доказывается, что собственные имена способны адекватно отражать реальность и точно вписываться в ее контекст. Анализируются тексты М. Цветаевой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского. В статье показано, что собственные имена играют роль интертекстуальных маркеров поэтического текста. Доказывается, что роль грамматики в отношении собственных имен в художественном тексте не менее важна, чем для нарицательной лексики.

E.Y. Muratova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ARTISTIC ROLE ONOMASTIC LEXICON IN MODERN POETRY

Key words: proper name, intertextuality, explicitness, personosfera, lexical meaning.

The article examines the role of art onomastic vocabulary in poetic texts, it is proved that proper names can adequately and accurately reflect reality to fit into its context. Analyzes the text of Marina Tsvetaeva, Yevgeny Yevtushenko, Voznesensky. The article shows that proper names play a role intertextual markers poetic text. It is proved that the role of grammar in respect of their own names in the literary text is no less important than the nominal vocabulary.

Картина мира любого человека как система представлений о действительности включает общечеловеческие, национальные и индивидуальные черты.

Важнейшей составляющей концептуальной картины мира является персонификация культуры и языка, т.е. сфера реальных или вымышленных личностей, через образы которых мы осмысливаем мир. Можно говорить о персонификации разных народов в разные исторические периоды и о персонификации отдельного человека. Персонификация – это своеобразная репрезентация когнитивного уровня языковой личности сквозь призму личных имен. Личное имя, по мнению П. Флоренского, в литературном произведении является «категорией познания личности» [2, 28].

Силу личностных форм собственные имена имеют не только по отношению к их носителям, но и к автору художественного произведения, поскольку сам выбор личных имен персонажей, способ подачи этих имен в тексте, формы употребления, характер художественного преломления отражают специфическую организацию творческого сознания. Собственные имена (особенно прецедентные) входят в систему мировоззрения поэта, через которые он осмысливает и выражает важнейшие для него категории человеческого бытия.

В этом смысле не только сами поэтические произведения, но их названия доказывают, что собственные имена способны адекватно отражать реальность и точно вписываться в ее контекст, и при этом совокупность собственных имен представляет собой особый ономастический мир, органически входящий во внутреннее художественное пространство текста и наряду с другими языковыми средствами, участвующий в реализации всех его категорий и свойств.

В качестве доказательства нашего утверждения приведем некоторые названия стихов и циклов стихов М. Цветаевой: «Байрону», «Стихи к Блоку», «Дон-Жуан», «Ахматовой» «Анне

Ахматовой», «Памяти Г. Гейне», «Лорд Байрон! – Вы меня забыли...», «Даме с камелиями», «Сказки Соловьева», «Консуэла! – Утешенье!...»; «Как мы читали «Lichtenstein».

Очень часто именно собственные имена играют роль интертекстуальных маркеров поэтического текста. Например, у А. Вознесенского [4] выявляются инотекстовые эксплицитные включения разного типа. Большая часть из них представлена антропонимами, отражающими русскую и мировую культуру; наблюдается прямое цитирование чужих текстов (например, стихотворение «Портрет Плисецкой» полностью построено на прямом цитировании разных текстов М. Цветаевой); перефразирование известных текстов (*Ты теперь дама с собачкой...; И из тебя – из Данаи – сыпался дождь золотой; Мертвое море – священный Байкал* и под.); авторская интерпретация инотекстовых включений (*Так Пушкин порвал бы, услышав, / что не ядовиты анчары, / великое четверостишие / и начал сначала!*); названия произведений искусства («Катерина Измайлова», «Манон Леско», «Раймонда»). В модусе интертекстуальности показательны названия стихов как сильные позиции поэтического текста: «Васильки Шагала», «Сыграй мне полонез Огинского!...», «Зал Чайковского», «Люб мне Маяковский-Командор», «Б. Пастернак», «Похороны Голя Николая Васильевича».

В одном из последних сборников Е. Евтушенко «Стихи XXI века» [5], включающем 175 стихотворений, интертекстуальность фиксируется в 149 текстах (67%). Такая интенсивность использования инотекстовых включений объясняется тем, что в данный сборник поэт включил уникальный цикл «Поэты русские», представленный 100 стихами, в которых отдается дань уважения и восхищения 78 поэтам (в самом широком смысле) русской земли всех времен. Назовем лишь некоторые из них, чтобы передать историческую и художественную глубину восприятия поэзии Е. Евтушенко: *Даниил Заточник, Илларион, Аввакум Петров, Антиох Кантемир, ...Василий Тредиаковский, Кондратий Рылеев... Николай Некрасов, Валерий Брюсов... Зинаида Гиппиус, Мережковский, Тэффи, Анна Ахматова. Марина Цветаева... Ольга Берггольц, Маргарита Алигер, Белла Ахмадулина... Эдуард Багрицкий, Александр Межиров, Николай Заболоцкий, Андрей Вознесенский*. Кроме того, Е. Евтушенко отдает дань стихийному народному творчеству в лирических стихотворениях «Былины», «Загадки», «Пословица-прабабушка». Многие стихи, помимо имени и фамилии поэта, имеют характерные названия, раскрывающие стержневые моменты жизни, творчества, характера поэта. Например: Юлия Друнина. *Санитарка Юля*; Антон Дельвиг. *Лень Дельвига*; Михаил Розенгейм. *Поэт-судья*; Владимир Хлебников. *Хлебниковская наволочка*; Вячеслав Иванов. *Башня*; Игорь Северянин. *Король поэтов*; Борис Пастернак. *Пастернакиада*; Булат Окуджава. *Моя Булатиада*; Иосиф Бродский. *Брат мой, враг мой*.

Хотя грамматика представляет собой строго организованную систему, развивающуюся по своим внутренним законам, тем не менее, она обнаруживает и подвижность, и гибкость, активно реализуя динамические потенции поэтического языка.

В классических и современных работах о грамматических категориях грамматический уровень художественного текста анализируется как эстетически нагруженный, обладающий собственным семантическим потенциалом. В рамках такого подхода постулируется существование особого уровня образности в поэтическом тексте, который рассматривается как глубинная семантическая организация текста.

Нам кажется очень верной мысль Михаила Эпштейна о тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзаданы ему, образуя негласную, неслышимую систему правил: «Лексика говорит с нами шумно и внятно, тогда как грамматика таит про себя заветные мысли... Грамматика – это не то, **что** мы думаем, а **чем** мы думаем, когда говорим, или даже то, **что думает нами**; это бессознательное нашего мышления» [3].

Роль грамматики в отношении собственных имен в художественном тексте не менее важна, чем для нарицательной лексики. Так, при переходе нарицательной лексики (и даже служебных слов) в собственную в поэтических текстах может наблюдаться глубинное приращение смысла, более того, такое собственное имя способно стать центром философских размышлений и рефлекс-

сий автора. Ярким примером этому является стихотворение Е. Евтушенко «В государстве по имени КАК БЫ» [5, 65].

Сам поэт в предисловии к этому стихотворению грустно и одновременно иронично объяснил мотивы его написания: «За последние два-три года в русский разговорный язык заползло да и расплодилось по всей стране двусмысленное словечко «как бы...», которое как бы всё ставит под сомнение, а в то же время как бы ухмылочкой как бы успокаивает как бы совесть...».

Я живу в государстве по имени КАК БЫ... / где порой как бы любят, / но как бы и не без хамства. / «Это правда, что все как бы пьют / в государстве по имени КАК БЫ? / Есть, кто как бы не пьет, / и, поверьте мне, / как бы ни капли... / «Что вообще за народ эти самые КАКБЫЙЦЫ?» / Как бы милый вполне, / но бывают порой как бы воры и как бы убийцы... / В основном, все мы как бы радушны / и как бы достойны... / Я хочу перед Богом предстать, / как я есть, / а не как бы, / не вроде – / лишь бы «как бы счастливым» не стать / в «как бы жизни» / и «как бы свободе».

В качестве названия государства выступает служебная лексема *как бы* (в полном тексте она повторяется 12 раз). Эта частица в естественном языке является оператором приблизительности, обозначает мнимость изображаемого, очерчивает некоторое семантическое пространство между истиной и не-истиной. Поэтому ее намеренная актуализация в поэтическом тексте с первой до последней строки создает процесс рождения трансцендентных смыслов, отражающих горечь, иронию, надежду, социальные отношения в стране, авторское понимание мира. Интересен взгляд на роль этого оборота речи в социуме В. Руднева, который пишет следующее: «Как бы» и «На самом деле» – выражения, характеризующие различные поколения сегодняшних русских интеллигентов и, соответственно, их картины мира. Привычка через каждые пять предложений добавлять «На самом деле» характеризует поколение, выросшее в 1960-х гг. и реализовавшееся в 1970-х гг. «Как бы» говорит поколение, выросшее в 1980-х гг. и не реализовавшее себя в 1990-х гг.» [1, 123]. С учетом такого взгляда можно говорить о дополнительных смыслах, которые организуются в этом стихотворении: герой – из поколения шестидесятников, а живет он среди поколения, не сумевшего себя реализовать, он для них «чужой» и «чужой» для своей страны, которая постепенно превращается в государство по имени КАК БЫ, где все ненастоящее, все на уровне «полу-»: чувства, идеалы, лозунги. Как видим, воплощение потенциальных свойств языка может осуществляться в модусе воспроизведения определенных, потенциально возможных свойств грамматической формы, что открывает дополнительные возможности смыслопорождения в поэзии.

Таким образом, личные имена в художественном тексте – это не просто идентифицирующие «метки», а сложные семантические знаки, способные кратко и емко репрезентировать идеи, ситуации, характер, поведенческие установки, т.е. все, что необходимо для полного и объективного понимания художественного произведения.

Литература

1. Руднев, В. П. «Как бы» и «На самом деле» / В. П. Руднев // Словарь культуры XX в. — М. : Аграф, 1997. — С.123–125.
2. Флоренский, П. А. Пути и средоточия / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1999. — Т. 3 : У водоразделов мысли. — С. 34–45.
3. Эпштейн, М. Дар слова. — Вып. 17 / М. Эпштейн. // Проективный словарь русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://old.russ.ru/krug/20030303_dar.html. — Дата доступа : 13.04.2012.

Источники

4. Вознесенский, А. Лирика. — М. : Эксмо, 2007. — 351 с.
5. Евтушенко, Е. Стихи XXI века. — М. : Эксмо, 2007. — 352 с.
6. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. — М. : Эллис Лак, 1994–1995. 7 т.